

О.И. Чуванова, Т.Г. Теличко

Резюме. В данной статье предпринята попытка рассмотреть образ Индии посредством анализа главных героев как представителей пограничных миров в романе Р. Киплинга «Ким». Особенность этой символической пары заключается в том, что оба героя представляют не отдельные культурные полюса, а находятся на их границе. Реализация поставленной задачи основана на целостном литературоведческом анализе текста, его системном и типологическом рассмотрении, а также на технике «close reading».

Ключевые слова: образ, Запад, Восток, граница, диалог.

«Рубеж веков» как переломный период всегда влечет за собой обострение интереса к «другому», сосредотачивает внимание на межнациональных и межкультурных коллизиях. В связи с этим неудивительно, что и на рубеже XX-XXI вв. вновь актуализируется эта заинтересованность в «другом» в контексте осознанной потребности в диалоге. Интерес этот в определенной мере является отражением тех проблем, которые уже имели место в XIX-XX вв. На английской почве в этот период проблемы национальной идентичности с особенной остротой возникают в контексте англо-индийских отношений, развившихся в некое смешение культур, на фоне которого было особенно заметно противостояние Востока и Запада. Наиболее точно передал этот «уровень» отношений английский писатель-неоромантик Редьярд Киплинг (1865-1936) в своем романе «Ким» («Kim», 1901). Творчество Киплинга непосредственно связано с Индией, что и помогло ему воссоздать атмосферу восточного мира и его особенностей.

В данной статье сосредоточим свое внимание на выявление художественных особенностей киплингеской Индии в романе, которые реализуются через центральные образы Кима и ламы, анализ которых будет осуществлен с учетом принципа парности.

В одной из статей философского содержания Дж. Сантаяна высказывает следующую мысль: «Вы говорите о «синтезе» восточной и западной философий. Но этого можно было бы достичь, только опустошив обе системы... С гуманистической точки зрения, как я полагаю, именно различие и несоизмеримость систем, прекрасных каждая по-своему, делают их интересными, а вовсе не компромисс между ними или их слияние» [1; 14]. Образы главных героев романа - Кима и ламы - одновременно подтверждают и опровергают эту мысль.

Кимбол О'Хара – сын ирландского знаменщика, умершего от злоупотребления опиумом, который после смерти отца остается на попечении женщины, также тяготеющей к этому наркотику («the woman who took opium» [2; 3]), изначально человек Запада. Но, так как он лишен «правильного» воспитания, то развивается в основном на улицах индийского города Лахора, что и служит толчком к формированию его «пограничного» сознания.

С самого начала Ким предстает перед читателем необычным героем. Хотя он и относится к бедной/малоимущей части английского населения («a poor white of the very poorest» [2; 3]), он, в то же время, имеет «полное» право утверждать свои привилегии, когда дело касается национального вопроса. Так, Ким позволяет себе столкнуться с пушки – символа управления Пенджабом англичанами – мальчика-индеец только потому, что он англичанин («he had kicked Lala Dinanath's boy off the trunnions - since the English held the Punjab and Kim was English» [2; 3]). Однако английскостью образ Кима в романе не исчерпывается.

Автор сразу стремится показать, как английское и индийское уживаются в этом мальчике и с этой целью использует яркий контраст Востока и Запада в передаче внешности и характера этого героя: «Though he was burned black as any native; though he spoke the vernacular by preference, and his mothertongue in a clipped uncertain sing-song; though he consorted on terms of perfect equality with the small boys of the bazar; Kim was white» [2; 3]. При этом Ким чувствует некоторые преимущества того, что выглядит как индеец. Поскольку ему часто приходится исполнять поручения молодых людей из английского высшего общества – «sleek and shiny young men of fashion» [2; 5], то для Кима в подобных случаях удобнее выглядеть «одним из» индийской толпы («Kim found it easier to slip into Hindu or Mohammedan garb when engaged on certain businesses» [2; 5]). Тем более, у Кима есть костюм мальчика низкой касты, подаренной одним из молодых людей светского круга («One of the young men of fashion... had once given him a complete suit of Hindu kit, the costume of a low-caste street boy» [2; 5]), и Ким надевает его каждый раз, когда в этом возникает необходимость («when there was business or frolic afoot» [2; 5]).

В городе его называют «Дружок всего мира» («“Little Friend of all the World”» [2; 5]), так как жители Лахора хорошо его знают: «The big Punjabi grinned tolerantly: he knew Kim of old. So did the water-carrier... So did Jawahir Singh, the Museum Carpenter... So did everybody in sight» [2; 6]. Благодаря тому, что он белый, взрослые прощают ему многие проделки, а мальчишки с улиц признают его авторитет. Когда Ким, сидя верхом на пушке Зам-Заме, грубо подшучивает над полицейским-туземцем Данну, тот терпимо относится к подобным шуткам, ведь он понимает, что, если понадобится, Ким может созвать всех мальчишек в районе Лахорского базара одним криком («Kim's clear yell could call up legions of bad bazar boys if need arose» [2; 15]). Ким также дружит с факирами у Таксалийских ворот и пользуется их доверием, то есть делит с ними пищу, а это важный момент в отношениях восточных людей: «Then there were holy men, ashed-smeared fakirs... with whom he was quite familiar – greeting them... eating from the same dish» [2; 5].

С самого начала читатель видит, что Ким знаком с представителями разных каст и знает их особенности как в плане веры, так и в плане характера: Ким не осмеливается дразнить акали на Великом колесном пути, так как знает, что люди этой касты очень вспыльчивы («the Akali's temper is short and his arm quick» [2; 67]). Для него не представляет сложности определить касту по одежде и внешности человека; так, он без труда определяет кастовую маркировку одежды одного из «участников» Большой игры: «There tumbled into a compartment...lean little person – a Mahratta, so far as Kim could judge by the cock of the tight turban» [2; 210].

Кроме того, он и сам может воспроизвести повадки и даже внешний вид человека любой касты; он крайне забавляет Ларгана-сахиба, целителя камней, своей способностью перевоплощаться: «Kim was apparelled variously as a young Mohammedan of good family, an oil-man, and once...as the son of an Oudh landholder» [2; 169]. Именно благодаря этому умению он спасает махрата в поезде, «превращая» его в садху с помощью подручных предметов и топографического ящика с красками.

Но Киму известны не только внешние кастовые различия, он прекрасно знает, каким богам поклоняются люди разных каст и разных профессий: «Servant of Lal Beg' (Kim knew the God of the sweepers), 'run on my business or we will talk again» [2; 107].

Киму достаточно того, что он живет свободно и безо всяких обязательств, наслаждаясь беспечной и полной приключений жизнью («a life wild as that of the Arabian Nights» [2; 5]), поэтому он старательно избегает английских миссионеров, которые могут ограничить его жизненное пространство, заставив его учиться как обычного английского мальчика: «As he [Kim] reached the years of indiscretion, he learned to avoid missionaries and white men of serious aspect» [2; 4]. Кимбол явно уклоняется от любой встречи с учителями и, вместо того, чтобы обратиться к одному из них, пребывая в казармах, он посылает индийца с улицы к базарному писцу: «- Is there not a schoolmaster in the barracks? – Ay; and Hell is full of the same sort» [2; 107].

Однако, появление ламы из Бхотияла (Тибета), представителя подлинно восточной религии и восточного мировоззрения в целом, начинает влиять на внутреннее развитие Кима, заставляет мальчика проникнуться уважением к знанию вообще.

Все в ламе выдает уставшего путника, проделавшего долгий путь, чтобы увидеть Дом чудес: «there shuffled round the corner...such a man as Kim...had never seen. He was nearly six feet high, dressed in fold upon fold of dingy stuff...At his belt hung a long open-work iron pencase and a wooden rosary such as holy men wear». Он сразу выделяется на фоне остальных жителей Лахора, известных Киму. Ламе много лет и жизнь свою он провел в горах и в стенах монастыря, но однажды он решает покинуть родные места и совершить паломничество: «I go to see the Four Holy Places before I die» [2; 8]). В то же время лама оказывается не просто странствующим монахом; он – искатель священной реки, «Реки Стрелы», связанной с легендой о Будде (Шакьямуни), с помощью которой можно освободиться от обманчивости мира, связанной с непрерывными перевоплощениями души человека («the Wheel of Things» [3; 12]). Лама загорается возможностью избавиться от майи, что в индуизме отождествляется с иллюзией мира, и становится отчасти фанатиком этой идеи: он пылко допрашивает сахиба-хранителя в Доме чудес о местонахождении этой реки и не может поверить, что сахиб этого не знает: «Where is that River? Fountain of Wisdom, where fell the arrow?...Nay, if it please thee to forget...Where, then, is the River?» [2; 12].

Не добившись ничего от хранителя, лама все равно не теряет уверенности в её существовании и намеревается продолжать свои поиски несмотря ни на что: «Nay, I will seek everywhere as I go – for the place is not known where the arrow fell» [2; 13].

Вместе с этой преданностью вере, в ламе в то же время можно распознать влияние современности. Когда хранитель интересуется, знает ли лама дорогу, тот отвечает, что люди помогут ему, ведь он может им заплатить («Oh, for that one but asks a question and pays money, and the appointed persons despatch all to the appointed place» [2; 13]). Хранителю кажется это одновременно и странным, и вполне нормальным для его времени: «The Curator smiled at the mixture of old-world piety and modern progress that is the note of India today» [2; 13].

Ким проникается глубоким интересом к этому новому человеку, появившемуся в его жизни. Его не пугают слова друзей о том, что жрецы из других стран опасны («Strange priests eat boys» [2; 8]) и, провозжая ламу в Дом чудес, он окликает своих боязливых приятелей: «He is new. Run to your mothers' laps, and be safe» [2; 8]. В Доме чудес Ким внимательно слушает рассказ ламы о реке и о его будущих странствиях, и это его чрезвычайно привлекает («What he had overheard excited him wildly» [2; 15]), так как по своей природе Ким предпочитает приключения и риск плавному течению жизни. Лама не сразу завоевывает симпатию мальчика – для Кима он прежде всего интересен как диковинный объект для наблюдений («a new building or a strange festival in Lahore city» [2; 15]), который необходимо изучить. Автор говорит, что лама является для Кима находкой, которую мальчик не собирается выпускать из рук, имея эту цепкость в крови: «The lama was his trove, and he purposed to take possession. Kim's mother had been Irish too» [2; 15]. Действительно, западный человек более склонен «вмешиваться» в чужую жизнь с целью узнать что-то новое, тогда как для жителя Востока это кажется недопустимым и излишним. В связи с этим показательно утверждение Г.Д. Гачева о том, что «человеку Запада приходится добиваться усилием, трудом» разного рода познания, тогда как у восточного человека присутствует «одаренность знанием» [4; 16]. Ким же не просто ирландец по крови, он западный человек, выросший в условиях Востока. Жажда к новому в нем не только не остывает, так как Восток – это собрание множества неизвестных вещей, но разгорается с новой силой, поскольку знания для него это еще и способ выжить.

Кимбол начинает бессознательно заботиться о старике, он защищает ламу от нападков полицейского, затем бежит лавке кунджри (женщина низкой касты), чтобы наполнить чашу ламы едой («He trotted off to the open shop of a kunjri, a low-caste vegetable-seller» [2; 16]), просит у водоноса воды. Зная всех в городе, Ким использует все свои возможности, чтобы окружить ламу заботой.

Когда лама засыпает под пушкой, Ким переодевается в костюм, подаренный ему англичанином. Проснувшись, лама не узнает Кима в новом одеянии и называет Кима «двуликим». Ким сразу предстает «единством в многообразии» [4; 518] своих обликов.

Лама видит в Киме проводника, дарованного за заслуги. Ким же удивляется открытости и детскому благодушию ламы, так как привык к хитростям и недомолвкам, что, отчасти, также побуждает его стать челою: «I think that so old a man as thou, speaking the truth to chance-met people at dusk, is in great need of a disciple» [2; 19].

С того момента, когда начинается их совместное путешествие по Хинду, они оба начинают меняться, при этом не только под воздействием друг друга, но и под влиянием Космоса Индии. Оба героя изначально не вписываются в рамки своих исконных миров и открыты для влияния «другого».

Лама – монах, который в своих исканиях следует уставу. Например, он не должен говорить с женщинами или смотреть на них. Тем более, ему должны быть чужды глубоко дружественные порывы – он не должен привязываться к другим людям, так как стремится уйти от иллюзорного мира обыденных человеческих страстей и достичь нирваны. При этом читатель не видит в нем совершенного аскета. Более того, лама предстает в романе как благодушный старик, воодушевленный поиском знаний. Он искренне признает сахиба-хранителя мудрецом и дарит ему свой пенал очень искусной работы: «It was a piece of ancient design, Chinese...and the collector's heart in the Curator's bosom had gone out to it from the first» [2; 14]. Перемены, происходящие с ламой, проявляются прежде всего в том, что он начинает отходить от выполнения устава. В Амбале он рассказывает людям, приютившим их, о жизни в Тибете, позабыв о том, что ему запрещено смотреть на женщин: «he clean forgot the Rule which forbids looking at women as he talked» [2; 42]. Когда же герои знакомятся с женщиной из Кулу, лама спокойно с ней общается. Кроме того, он очень хорошо относится к детям. К примеру, когда Тешу-лама рассказывал о своем прошлом хозяевам дома в Амбале, дети без стеснения играли с его четками: «The children of the house tugged unrebuked at his rosary» [2; 42]. На пути из деревни, где Ким с ламой познакомились с военным, один ребенок попросил у ламы его четки, на что лама спел ему песенку, чем привел малыша в восторг. В ответ на удивление военного, лама говорит: «It is good to be kind to babes» [2; 61]. Лама и о себе говорит, сравнивая себя с ребенком: «I am an old man – pleased with shows as are children» [2; 225].

Ким для него тоже ребенок и, несмотря на устав, старик к нему очень привязывается. Эта слабость вполне объяснима, так как его предыдущий чела умер по пути в Лахор, и лама был очень одинок.

Устав не сдерживает ламу и тогда, когда Ким убеждает его пойти в горы. Лама чувствует себя в родной стихии, лазая по утесам и отвесным скалам. Но, обессилев в деревне Шемлегха, он говорит, что силы покинули его именно потому, что он поддавался чувствам, а это уже является пренебрежением Всесовершенного Закона.

Ким – ребенок и Запада, и Востока. Он обладает огромным количеством знаний об индийском мире, что помогает ему выжить. В то же время, знание Запада помогает ему прояснять для себя «диковинки» восточного мира и «преодолеть» их в своем сознании. Другими словами, Ким балансирует между двумя типами мировоззрения, поэтому его очень сложно понять лицам, ограниченным только одним миром. Даже отец Виктор готов пожертвовать своим жалованьем, чтобы проникнуть в мысли мальчика: «I'd give a month's pay to find what's goin' on inside that little round head of yours» [2; 112].

Лама меняет мальчика, открывая для него новые ценности – не без оснований Кагарлицкий Ю.И. называет «Кима» философским произведением [4; 507]. Если сначала Ким использует звание челы, чтобы в любой момент найти пищу и ночлег для себя и своего учителя, то впоследствии он начинает осознавать ответственность своего положения.

Для ламы все люди привязаны к «Колесу Всего Сущего», но все они равны: «To those who follow the Way there is neither black nor white, Hind or Bhotiyal. We be all souls seeking escape» [2; 225]. Проходя по одной из деревень в поисках реки, Ким и лама сталкиваются с грубым крестьянином-зеленщиком, которого лама упрекает в горячности. Когда же Ким говорит, как его учитель мудр и как невежественен зеленщик, лама отвечает, что ищущие мудрости должны быть лишены высокомерия: «There is no pride among such as follow the Middle Way» [2; 47]. А, услышав, что чела «определяет» этого крестьянина как представителя низкой касты, говорит, что касты – тоже иллюзия: «Low-caste I did not say, for how can that be which is not?..he amended his discourtesy, and I forgot the offence» [2; 47]. Таким образом, Ким воспитывает в себе уважение к другим людям и проникается еще более глубоким доверием к своему наставнику. Влияя друг на друга, Ким и лама одновременно раскрывают особенности своего характера и развивают их.

Важным этапом в развитии Кима становится его обучение в школе Св. Ксаверия, когда он внезапно оказывается изъятым из индийской жизни и начинает проникать в тонкости западного характера. Однако, и в его образовании есть множество нюансов. Автор предупреждает читателя, что дети, воспитанные в условиях восточного мира, совершенно отличны от тех, кто вырос на основе убеждений родной страны, без побочного влияния другой культуры: «The country born and bred boy has his own manners and customs, which do not resemble those of any other land; and his teachers approach him by roads which an English master would not understand» [2; 31].

То есть, необычность образа Кимбола подчеркивается еще и образованием, которое он получает в английской школе города Лакхнау.

Школа еще больше позволяет Киму ощутить разницу между двумя мирами. Во-первых, мальчики, окружающие Кима в стенах Св. Ксаверия, чувствуют дозволенные границы, когда дело касается «национальной идентичности» в кругу сахибов и воспитывают это ощущение в Киме: «When tales were told of hot nights, Kim did not sweep the board with his reminiscences; for St Xavier's looks down on boys who 'go native all-together» [2; 133]. Во-вторых, это учебное заведение делает акцент на необходимости всегда помнить о своей исконной национальной принадлежности: сахиб стоит выше «туземца» и управляет им («One must never forget that one is a Sahib, and that some day...one will command natives» [2; 133]). Однако Ким не разделяет это радикальное мнение, он лишь получает ту часть «западных» знаний, которые представляют для него важную «логическую опору» в мире, основанном на интуитивном познании вещей. Так как Ким хочет стать участником Большой игры, ему важно умение лавировать между представителями Востока и Запада, поэтому он не принимает все воспитательные аспекты школы Св. Ксаверия.

Во время каникул он сбегает на Дорогу и встречает Махбуба Али, который, в свою очередь, предлагает Кимболу провести десять дней в Симле у Ларгана-сахиба. Там Ким проходит своеобразное испытание, ясно отображающее разницу между Западом и Востоком. Ларган-сахиб, знакомый с искусством гипноза, предлагает Киму разбить кувшин, а затем увидеть, как он снова становится целым. Киму сложно победить эту иллюзию до тех пор, пока он не подключает западный склад мышления: «So far Kim had been thinking in Hindi, but a tremor came on him, and...his mind leaped up from a darkness that was swallowing it and took refuge in – the multiplication-table in English!» [2; 164]. Таким образом, он логикой (рационализмом) вытесняет интуицию [5].

Однако, располагая западным рационализмом, духовно Ким растет только в индийском мире, в присутствии ламы. Он не ощущает себя комфортно среди сахибов, чувствует себя одиноким и потерянным, тогда как одиночество для него, как для индийцев – это выражение самодостаточности: «The indifference of native crowds he was used to; but this strong loneliness among white men preyed on him» [2; 110]. Именно поэтому Ким, пытаясь понять речи-«головоломки» своего наставника в Большой игре, Бабу, прислушивается к тому, что говорит его внутреннее восточное «Я» («...cried the Oriental in him...» [2; 233]). На вокзале в Бенаресе Ким погружается в «самоанализ», о котором автор говорит как о состоянии, в большей степени свойственном восточным людям, нежели жителям Запада: «A very few white people, but many Asiatics, can throw themselves into a mазement...letting the mind go free upon speculation as to what is called personal identity» [2; 197]. Индийский подвижник, внезапно подошедший к Киму, сразу понимает состояние юноши: «Thou wast wondering there in thy spirit whar manner of thing thy soul might be» [2; 198]. Следовательно, Запад развивает способность к рационализму, тогда как Восток – это уход в сферу внутреннего мира, который не всегда подчиняется законам логики.

Окончив школу и вернувшись к ламе, Ким испытывает облегчение и, устроившись в келье ламы, отдается подсознательному порыву вернуться в индийскую среду: «That night he dreamed in Hindustani, with never an English word...» [2; 206].

В предисловии к роману исследователь Джон Бейли пишет: «It was not a simple matter of East is East and West is West... 'Kim' is one of the very few texts of the time...to suggest...that all the world separate races do the same thing in their own way, and have the same kinds of degree of enlightenment or non-enlightenment» [2; XII] («это не просто была декларация того, что Запад есть Запад, Восток есть Восток... 'Ким' один из тех немногочисленных текстов нашего времени...который наводит на мысль о том, что все народы мира делают одни и те же вещи по-своему, и имеют одинаковые ступени просвещения или 'не просвещения'») [пер. наш: Ч.О.].

Лама как представитель Востока стремится к просвещению и желает того же для Кима: «It is good to have thee here: I will show thee my art – not for pride's sake, but because thou must learn. The Sahibs have not all this world's wisdom» [2; 204]. Он многое рассказывает Киму об Индии, и в рассказах его реальное зачастую сосуществует с фантастическим: «he told stories...of the immense and sumptuous ritual of avalanche-guarded cathedrals; of processions and devil-dances; of the changing of monks and nuns into swine; of holy cities...in the air; of intrigue between monastery and monastery» [2; 226]. Ким благодаря ламе становится фактически идеальным вариантом компромисса между Востоком и Западом. Не зря вид ламы, объясняющего челе хартию с изображением Колеса Всего Сущего, напоминают иностранцам «рождение религии: первый учитель и первый ученик» («It is like a picture for the birth of religion – the first teacher and the first disciple» [2; 254]). Один из них поражен серьезностью этой картины, словно передающей многовековой культурный опыт: «Why does this make one feel that we are so young a people?» [2; 254].

«Смешение» Запада и Востока, столь характерное для рубежа веков, с особой отчетливостью отразилось в символической паре Ким и лама. Оба героя принадлежат миру Индии и в тоже время выпадают из общей картины, развиваясь на границе разных миров. Их уникальность свидетельствует не только о сложностях диалога двух культур, но и о возможности найти точку соприкосновения. «Союз» этих двух представителей различных мировоззрений, оказавшихся в одной среде, отражает, насколько изменился «первоначальный андрогин» [5] двух культур и насколько осуществим возврат к нему в будущем.

Творчество Р. Киплинга связано с Индией не столько интересом к экзотике, сколько знанием восточного мира, воспитавшего его. Для большинства произведений автора характерна оппозиция Восток–Запад, и главный вопрос для Киплинга – это вопрос о возможности компромисса между этими двумя культурными противоположностями. Роман «Ким» – наиболее удачное выражение этой идеи, воплощенной в данном

произведении через символическую образную пару, представленную главными героями. Перспектива данного исследования связана, прежде всего, с привлечением и учетом иных произведений многожанрового творчества Киплинга (малая проза, поэзия), анализ которых расширит возможности решения актуальной сегодня проблемы национальной идентичности.

Литература

1. Степанянц М. Т. Знание и вера: многообразие культурных подходов./Вопросы философии. – № 2. – М.: Наука, 2007. – С.3-13
2. Kipling R. Kim / with an Introd. by J.Bayley. - London: Everyman's Library, 1995. - XLV, 306 p.
3. Гачев Г. Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). Предисл. П. Гринцера. – М.: Наука, 1933. – С. 3-32.
4. Кагарлицкий Ю
5. . И. Литература и театр Англии XVIII-XX вв.: авторы, сюжеты, персонажи: Избранные очерки / Сост. С. Я. Кагарлицкая – М.: Альфа-М, 2006. – С. 489-521.
6. Чхартишвили Г.Ш. Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе) // Режим доступа: <http://readr.ru/grigoriy-chhartishvili-no-net-vostoka-i-zapada-net-o-novom-androgine-v-mirovoy-literature.html>

УДК 398.6

СНОТОЛКОВАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ВЕРХНЕГО ДОНА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ДОННУ 2001-2011 ГГ.)

А. М. Школдина, П.Т. Тимофеев

Резюме. В работе рассматривается проблема снотолковательной традиции на Верхнем Дону. Все нарративы сновидений подразделяются на вещие, сны-видения, сны-просьбы и сны, сопутствующие гаданию. Наблюдения основаны на собственных полевых записях, которые были сделаны во время международных фольклорно-этнографических экспедиций ДонНУ на Верхний Дон (бывшая область Войска Донского) в 2001-2011 гг. Используются комплексные методические приемы: описание, сравнение и классификации.

Ключевые слова: локальная традиция, снотолковательная традиция, Верхний Дон.

Исследование посвящено рассмотрению проблемы снотолкования на Верхнем Дону. В трудах А. Балова, Н. И. Толстого, О.Б. Христофоровой, С. Небжиговской, М. Л. Лурье и др. традиция снотолкования получила определенное развитие. Вместе с тем локальное проявление этой традиции до сих пор не освещено.

Первые попытки составления «народного снотолкователя» были предприняты в конце XIX века на страницах журнала «Этнографическое обозрение». Практически все эти публикации строятся по принципу словаря: слева – образ сновидения, справа – толкование. При этом Е. Р. Романов разбивает материалы «в примерной группировке по отделам, а каждый отдел – в алфавитном порядке предметов» [1, с. 54.].

В статье А. Балова о роли сна в народной культуре, которая вышла в «Живой старине» в 1891 году, помимо публикаций собственно снотолкований и рассказов о «вещих» снах, приводится классификация видов снов. Автор выделяет такие типы снов: кошмар, «сны, производимые действием дьявола», гадания на вещий сон, «праздничный сон до обеда», вещие сны, сны религиозные и «сновидения, в которых являются людям умершие» [2, с. 208-213].

Но особое внимание исследователей к снотолковательной традиции проявилось только в 90-х годах XX века. Подтверждением интереса стал круглый стол «Сны и видения в народной культуре», который состоялся в октябре 1998 г. в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ. Итогом проведенного круглого стола стал сборник «Сны и видения в народной культуре» [3].

Большой интерес представляет работа М.Л. Лурье, где автор на материалах рассказов рассматривает «те традиционные стратегии и модели, которые определяют процесс и результат интерпретации снов в их проекции на жизнь сновидца, его родных и знакомых, его родного края и отечества» [4, с.28]

Логика толкований исследовала О.Б. Христофорова, объектом ее изучения «являются правила построения и функционирования текстов малых фольклорно-речевых жанров - запретов, предписаний, примет, толкований снов и некоторых других видов текстов, основная прагматическая функция которых - моделирование поведения человека» [5]. При этом исследовательница не разделяет приметы на «сонные» и «явные».

Круглый стол и изданный сборник показывают, насколько широк круг вопросов, связанных с темой сна и снотолковательной традицией.

В нашей работе мы попытаемся представить снотолковательную традицию на Верхнем Дону, предложить свои принципы классификации материалов. Наши наблюдения основаны на собственных полевых записях, которые были сделаны во время международных фольклорно-этнографических экспедиций на